

НЕДОЛГИЙ АЛЬЯНС: РУССКО-ЯПОНСКИЙ СОЮЗНЫЙ ДОГОВОР 1916 г.

Юрий Сергеевич ПЕСТУШКО,

Дальневосточный государственный гуманитарный университет, г. Хабаровск

Десятилетие 1906—1917 гг. занимает особое место в истории отношений Японии и России. За короткий срок обеим странам удалось пройти путь от «плохого мира» до заключения союзного договора, найти компромисс в решении многих проблем, в том числе договориться о проведении совместной политики в Китае.

Между тем в российской и японской историографии японо-русские отношения в послепортсмутское десятилетие и в годы первой мировой войны не стали объектом особого интереса: в большинстве исследований они рассматривались либо в качестве одного из аспектов международных отношений на Дальнем Востоке, либо как составная часть истории Японии и России. Это отчасти можно объяснить тем, что содержание четырех соглашений, заключенных между Японией и Россией, получило известность лишь после Октябрьской революции. Советская и японская историографии долгое время замалчивали позитивные стороны российско-японского сотрудничества и поиск межгосударственных противоречий¹. Отношения двух стран в годы первой мировой войны, явившиеся кульминацией сближения, начатого в предвоенное десятилетие и оформленного общеполитическим соглашением 1916 г., и отсутствие специальных изданий в печати по этому вопросу объяснил японский историк Хирама Ёити: «...поскольку Япония не имела к первой мировой войне столь же большого отношения, как ко второй мировой, у японских исследователей не возникло желания заниматься данной проблематикой»².

Обращение к истории японо-русских отношений в 1906—1917 гг. позволяет утверждать, что, несмотря на недавнюю войну, у обеих стран имелось немало причин для улаживания взаимных противоречий и развития равноправного диалога. Русско-японская война привела к заметным изменениям в расстановке политических сил на Дальнем Востоке: Японская империя, выйдя победительницей из войны с Россией, стала претендовать на роль лидера в азиатском регионе. Поражение Российской империи в войне, а также условия Портсмутского мирного договора значительно ослабили ее стратегические позиции в Азии.

Договор исключал Корею из сферы российского влияния, а в отношении Маньчжурии Россия и Япония брали обязательства вывести свои войска с ее территории. Японии были переданы арендные территории России на Ляодунском полуострове, включавшие г. Порт-Артур и Дальний со всеми сооружениями и имуществом, и находившаяся в собственности России южная ветка Китайско-Восточной железной дороги (Порт-Артур — Чанчунь), протяженностью 941 км. Россия также уступила Японии южную часть о-ва Сахалин³. В новых условиях российскому правительству было необходимо скорректировать свои ближайшие внешнеполитические задачи. В Санкт-Петербурге развернулась полемика между сторонниками сближения с Германией, среди которых были

П. Н. Дурново, Р. Р. Розен, выступавшие за активизацию российской политики на Дальнем Востоке и продолжение борьбы с Японией, и сторонниками союза с Великобританией, считавшими, что «единственные жизненные интересы России сосредоточены в Европе»⁴.

Концентрация российской внешней политики на европейском направлении, что хорошо понимали сторонники европейской ориентации С. Ю. Витте и А. П. Извольский, не могла быть достигнута без урегулирования российско-японских отношений, от которых зависела безопасность дальневосточных владений Российской империи. По словам С. Ю. Витте «...после того поражения, которое мы понесли на Дальнем Востоке и которое отразилось на полном нашем ослаблении в делах западных, нам необходимо найти прочный базис соглашения с Японией, дабы мы могли вернуться с востока на запад и постараться восстановить наш авторитет»⁵.

Япония в послепортовский период тоже стала стремиться к урегулированию разногласий с Российской империей. Во многом это явилось следствием обострения ее отношений с Соединенными Штатами, стремившимися под предлогом «интернационализации» Маньчжурии превратить Северо-Восточный Китай в международную колонию с преобладанием американского капитала. В 1906—1907 гг. американо-японские разногласия в Китае отразились на положении японских эмигрантов в Калифорнии, выразившись в недопущении к занятиям в американских школах японских детей и запрете на въезд в США японцев⁶. Благодаря подписанному в 1908 г. соглашению Рут-Такахира⁷, согласно которому Вашингтон признавал права Японии в Маньчжурии, а японское правительство поддерживало американские требования «открытых дверей» в Китае, японо-американские противоречия на какое-то время сгладились. Однако в 1909 г. новый американский президент У. Тафт отказался от прежней политики признания особых специальных интересов Японской империи в Маньчжурии, поставив задачу «выкурить Японию из Северо-Восточной Азии»⁸.

Рост американо-японских противоречий не замедлил сказаться на англо-японском союзе, который Япония все больше старалась противопоставить дальневосточной политике Вашингтона. Хотя Англия была заинтересована в сохранении союза с Японией, выступавшей гарантом английских интересов на Дальнем Востоке, ей совсем не хотелось портить отношения с США и способствовать эскалации напряженности в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Не меньше Великобританию беспокоило продвижение Японии на Азиатский континент, сулившее угрозу экономическим интересам Англии в Китае⁹.

В сложившейся ситуации Японской империи был необходим союзник в защите своих интересов в Азии. Таким союзником могла стать Россия, заинтересованная в установлении дружественных отношений с Японией. По мнению председателя тайного совета *энро*¹⁰ маршала Ямагата Аритомо, именно японо-российское сближение должно было стать реальным противодействием США на Дальнем Востоке¹¹. Англо-японский договор в ходе переговоров по заключению англо-американского арбитражного соглашения подтвердил подозрения Японии, что Лондон никогда не сблизится с Токио против Америки¹². Вышеперечисленные обстоятельства вызвали целую серию японо-российских переговоров, направленных на урегулирование проблем, существовавших в отношениях между двумя странами, и разработку совместной программы по противодействию проникновения в Маньчжурию третьих держав.

В 1907 г. между правительствами Японии и России было подписано общеполитическое соглашение, по которому Южная Маньчжурия объявлялась сферой влияния Японии, а Северная Маньчжурия — сферой влияния России. В подписанном в 1910 г. новом русско-японском соглашении подтверждалось обязательство Санкт-Петербурга и Токио поддерживать *status quo* в Маньчжурии;

фактически соглашение было направлено против присутствия третьих держав в Китае¹³. В 1912 г. Россия и Япония заключили соглашение, по которому Внутренняя Монголия была разделена по пекинскому меридиану на восточную (японскую) и западную (российскую) сферы влияния¹⁴.

Развитие отношений между Японией и Россией в послепортсмутский период, а также серия заключенных между ними договоров, направленных на защиту интересов обеих стран в Китае, свидетельствовали, что к 1914 г. между Санкт-Петербургом и Токио произошло заметное сближение¹⁵. С 1913 г. некоторые влиятельные политические деятели Японии стали зондировать почву относительно заключения с Россией нового политического соглашения, призванного документально оформить союзные отношения между двумя странами. В сентябре 1913 г. генерал-майор Танака направил российскому военному агенту в Токио Г.М. Самойлову записку, в которой говорилось о необходимости «...откровенно и без ошибок обменяться взглядами между Японией и Россией». Танака дал понять, что инициатива в вопросе заключения союзного договора должна исходить от России: «...если встретится надобность, я могу передать, что надо, властям, поэтому прошу обращаться ко мне без стеснения»¹⁶. Кацура Таро, занимавший пост премьер-министра Японии в 1912—1913 гг., практически при каждой встрече с российским послом в Токио Н.А. Малевским-Малевичем поднимал вопрос о дальнейшем укреплении дружественных отношений между Токио и Санкт-Петербургом. При этом он подчеркивал, что обеим странам следует объединить усилия для защиты своих позиций в Китае. На своем своеобразном немецком языке Кацура говорил: «Wenn wir Japan und Russland zusammen stehen in China, keiner kommt zu uns» («Пока мы — Япония и Россия — вместе в Китае, никто к нам не сунется»)¹⁷.

Мнение о необходимости заключения союзного договора между Токио и Санкт-Петербургом высказывал и новый премьер-министр Японии Окума Сигэнобу. По его словам, в условиях, когда Китай сделался центром дальневосточной политики ведущих держав, России и Японии необходимо договориться о совместной защите своих интересов в Поднебесной¹⁸. Однако он понимал сущность русско-японского союза и политики обеих стран в Китае несколько иначе, чем покойный Кацура Таро, который считал, что основой будущего союзного договора должна стать совместная политика в Китае Японии и России как наиболее заинтересованных сторон. Окума по-другому расставлял акценты в будущем договоре с Россией. По его мнению, которое он высказал российскому послу в Токио, к русско-японской группе следовало привлечь Англию и Францию, заключив четырехстороннее соглашение¹⁹.

Таким образом, несмотря на разные подходы к условиям будущего союзного договора, перспективы его заключения широко обсуждались в японских политических кругах. Первая попытка России и Японии заключить военно-политический союз имела место еще до сараевского убийства: в мае 1914 г. в Мукдене (Шэньян) состоялась встреча российского военного министра В.А. Сухомлинова и представителя японского генерального штаба генерала Ясумаса Фукусима, где предварительно оговаривались условия будущего союза²⁰. Последующие три месяца японский МИД посвятил разработке проекта будущего союзного договора, который был окончательно составлен к началу августа 1914 г.

5 августа 1914 г. российский посол в Токио передал в Санкт-Петербург проект японо-русского союзного соглашения, в вводной части которого провозглашалось, что Россия и Япония заключают договор для поддержания мира на Дальнем Востоке, где обе страны имеют общие интересы. Проект договора, состоявшего из четырех статей, предусматривал следующее: подтверждение обоими правительствами договоров, конвенций и соглашений, ранее заключенных между ними; принятие обеими договаривающимися сторонами необходимых

мер для охраны интересов и прав, предусмотренных вышеназванными соглашениями в случае угрозы этим интересам; оказание военной поддержки либо соблюдение строгого нейтралитета одной из сторон в случае военной агрессии против другой стороны на Дальнем Востоке; сохранение обязательств Японии по англо-японскому союзному договору и франко-японскому соглашению 1907 г.²¹

Царское правительство не пошло на заключение союзного договора с Японией на предложенных условиях по целому ряду причин. Прежде всего, подписание соглашения на продиктованных из японской столицы условиях не несло России практически никаких выгод, поскольку оказание токийским кабинетом военной помощи российской стороне, как и соблюдение нейтралитета японским правительством, предусматривались лишь в случае войны на Дальнем Востоке. Однако в этом регионе именно Япония являлась наиболее вероятным источником военной угрозы. В то же время договор гарантировал Японии нейтралитет и оказание военной помощи с российской стороны в случае войны Японии с Китаем или Соединенными Штатами. К тому же в проекте договора ничего не говорилось об обязательствах Японии в связи с начавшейся войной в Европе, что могло вызвать определенные осложнения в дальневосточной политике царского правительства из-за возможных военных действий Японии.

Несмотря на неприятие Россией японского проекта договора, политики в Токио и Санкт-Петербурге понимали, что заключение союза между двумя странами, имевшими общие интересы в Маньчжурии, — вопрос времени. Как подчеркивал в одном из своих писем Председателю Совета Министров И.Л. Громькину глава российского МИД С.Д. Сазонов, основанием для дальнейшего сближения двух стран должно было стать окончательное разграничение владений России и Японии в Китае, где интересы Токио сосредоточивались в центральной и южной частях Поднебесной, а России — в северных районах страны. Российский посол в Токио Н.А. Малевский-Малевич сообщал в Санкт-Петербург, что, хотя японские правящие круги пока предпочитают никак не комментировать вопрос о заключении военно-политического союза между Японией и Россией, этот вопрос обсуждается на страницах японской печати, где японское общественное мнение приветствовало заключение такого союза²².

Однако среди японских политиков были и противники политического сближения с Россией. Один из них, министр земледелия и торговли виконт Оура Канэтакэ, выступая в июле 1914 г. на съезде торговых промышленников, заявил о неизбежности новой войны между Россией и Японией²³. По словам министра, твердое убеждение в неизбежности новой русско-японской войны у него сложилось во время посещения России в 1913 г. Виконт Оура утверждал, что программа по усилению российской армии и флота, принятая вскоре после завершения русско-японской войны, в первую очередь направлена против Японии. Обвинив Россию в эскалации вооружения и реваншизме, Оура Канэтакэ призвал японскую нацию к сплочению перед общим врагом. Со слов министра следовало, что если минувшая русско-японская война была крайне непопулярной среди населения России и рассматривалась как война между правительствами двух стран, то за послевоенное десятилетие ситуация кардинальным образом изменилась. Это выразилось в увеличении Россией выпуска вооружения и воспитании населения в духе патриотизма²⁴.

Часть речи японского министра была опубликована через несколько дней в газете «Тюо Симбун» (中央新聞). Буквально на следующий день, очевидно по инициативе самого Оура Канэтакэ, в прессе было помещено официальное заявление секретаря министерства земледелия и торговли, в котором говорилось, что Оура Канэтакэ якобы только указал на увеличение Россией своих вооруженных сил, что заставило Японию делать то же самое. Никаких призывов к войне с Россией, по словам секретаря министерства, в выступлении не прозвучало.

Оура Канэтакэ, по-видимому, и сам прекрасно понимал, что в своем выступлении сказал много лишнего. Отдавая себе отчет, что после подобной выходки он вполне может лишиться полученного от Окума Сигэнобу министерского портфеля, Оура предпринял самые энергичные меры к задержанию выпуска номера «Тюо» со своей речью. Хотя министру пришлось прибегнуть к помощи японской полиции, дать делу обратный ход не удалось, и очень скоро о «новой политической инициативе» новоиспеченного министра узнали не только в японском МИДе, но и в российском посольстве в Токио²⁵.

Виконт Оура был срочно вызван на *касумигасэки*²⁶, где у него состоялась продолжительная беседа с главой японского МИДа Като Такааки. Судя по дипломатической переписке между Токио и Санкт-Петербургом, обвинения министра земледелия и торговли в адрес «недобросовестных японских газетчиков» не убедили главу японского внешнеполитического ведомства, которому было хорошо известно, что газета «Тюо», опубликовавшая «злополучное» выступление, сослалась на 600 свидетелей, при этом присутствовавших. Вместе с тем Като Такааки считал необходимым не выносить происшедший в Фукусима инцидент на широкое обсуждение. Российскому послу в Токио было направлено письмо, в котором министр иностранных дел Японии весьма корректно просил Н.А. Малевского-Малевица впредь не обращать внимания на такого рода сообщения, являющиеся не чем иным, как простым измышлением безответственных газет²⁷.

Случай в Фукусима наглядно продемонстрировал, насколько в японских политических кругах было сильно стремление к сближению с Россией и любые попытки противодействия этому сближению получали жесткий отпор.

В токийском кабинете полемика вокруг вопроса о необходимости заключения японо-российского союзного соглашения еще более оживилась после того, как за дело взялись влиятельные японские политики. В конце июня 1915 г. в Токио прибыл *гэнро* Иноуэ Каору для проведения совещания с членами японского правительства по вопросу немедленного начала переговоров с Санкт-Петербургом о заключении общеполитического соглашения. Хотя царский посол в Токио Н.А. Малевский-Малевиц не располагал точной информацией о результатах миссии маркиза Иноуэ, по словам царского посла, уже само известие о визите японского политика в Токио с новой силой всколыхнуло в японской печати дискуссии вокруг заключения японо-русского союзного договора, и, судя по газетным публикациям, японское общественное мнение видело в таком союзе обеспечение будущего своей страны²⁸.

В декабре 1915 г. в Японию отправился Великий князь Георгий Михайлович Романов, чтобы поздравить японского императора Ёсихито со вступлением на престол, а также «...поблагодарить за помощь, оказываемую Японией России с начала войны в Европе»²⁹. Георгия Михайловича сопровождал глава дальневосточного отдела МИДа Г.А. Козаков, которому царским правительством было поручено начать переговоры о союзе с Японией. Хотя российское правительство ни словом не обмолвилось об истинных целях этого визита, японская пресса сразу отметила, что Великий князь направляется в Японию, чтобы начать переговоры по вопросу заключения японо-российского союзного договора³⁰.

В январе — феврале 1916 г. Г.А. Козаков провел ряд консультаций с министром иностранных дел Японии Исии Кикудзиро, генерал-губернатором Кореи Тэраути Масатакэ, маршалом Ямагата Аритомо. Из-за возникших между Японией и Россией разногласий по условиям будущего союзного договора переговорный процесс затянулся до июля 1916 г. На переговорах российская сторона призывала к включению в будущий договор статьи, которая обязывала бы Россию и Японию не заключать с другими странами соглашений относительно Центрального Китая без предварительного обмена мнениями. Токийский ка-

бинет настаивал не включать эту статью, объясняя свою позицию тем, что она отсутствует в англо-японском союзном договоре, а также своей большей заинтересованностью в свободном заключении договоров с Пекином. Настоящим камнем преткновения на русско-японских переговорах стал вопрос о передаче Японии железнодорожной ветки от Харбина до Чанчуня (Куанченцзы), на чем особенно настаивал японский посол Мотоно Итиро. Япония приобрела бы прямой железнодорожный путь от Дайрена, игравшего роль основного японского порта в Южной Маньчжурии, до р. Сунгари, достигавшей своими притоками Внутреннюю Монголию. Неудивительно, что царское правительство не пошло на заключение союзного договора на подобных условиях.

Передача всей южной ветки являлась чрезмерной ценой, которую России пришлось бы заплатить за общеполитический союз с Токио, поэтому царское правительство было согласно передать Японии только часть железнодорожной ветки от Куанченцзы до пересечения с р. Сунгари. Но даже в случае уступки указанного участка железной дороги Санкт-Петербург добивался от Токио, чтобы переход под японскую юрисдикцию части КВЖД не нанес большого ущерба положению России в Маньчжурии. Например, царское правительство потребовало от управления ЮМЖД приравнять транспортные тарифы на участке дороги от Дайрена до пункта соединения японских и русских железных дорог с тарифом, действовавшим до Владивостока, что должно было формально поставить Россию и Японию в равные возможности грузоперевозок.

Российский МИД потребовал от Токио прекратить практику доставки в Северную Маньчжурию товаров под видом почтовых посылок, используя льготный внутренний тариф. Кроме того, управление ЮМЖД должно было воздержаться от практики переманивания грузов и пассажиров из районов, обслуживавшихся КВЖД³¹. Русское правительство выражало надежду, что Токио присоединится к русско-китайскому соглашению об ограничении производства спирта и торговли им в Маньчжурии, подписанному 21 мая 1916 г.³²

Первоначальная выкупная цена уступаемого Японии участка железной дороги составила, по подсчетам правительственных чиновников, 80 млн. руб., затем была снижена до 45 млн. р. При расчетах стоимости указанного участка железной дороги царские чиновники принимали во внимание следующее: стоимость строительства линии — 12 636 767 р., долг общества КВЖД царскому правительству — 28 257 267 р., работы по переустройству разъезда Лаошагоу в случае перехода ветки к Японии — 4 000 000 р.³³ Остается только догадываться, какой ущерб могла понести российская торговля на Дальнем Востоке в случае продажи указанного участка железной дороги. Очевидно, что эти убытки не смогла бы покрыть даже продажа данного участка за почти удвоенную цену, что первоначально намеревалось сделать царское правительство.

В Токио сочли требуемую сумму в 45 млн. руб. за железнодорожную ветку от ст. Куанченцзы до ст. Лаошагоу завышенной и предложили за нее 20 млн. иен, или 19 млн. р. Кроме того, японское правительство отказывалось платить за оборудование нового железнодорожного соединения на ст. Лаошагоу, объяснив тем, что «невозможно предвидеть, за счет кого это соединение будет сооружено». Требование Санкт-Петербурга об уравнивании транспортных тарифов на Владивосток и Далянь (Дайрэн) токийский кабинет нашел «слишком категоричным», однако заявил о готовности управления ЮМЖД договориться с представителями КВЖД о взаимном устранении претензий, направленных во вред общим интересам. На предложение России о присоединении Японии к русско-китайскому соглашению об ограничении производства спирта и торговли им в Маньчжурии Токио заявил, что это не имеет никакого отношения к уступке железнодорожной ветки, равно как и практика доставки в Северную Маньчжурию японских товаров почтой, на отмене которой Россия также настаивала³⁴.

Торгово-промышленные круги России высказались решительно против заключения соглашения с Японией на условиях Токио³⁵. Участок железной дороги протяженностью 238 км проходил по хлебобродному району, и в случае передачи его Японии КВЖД несла значительные потери в перевозках и неминуемо привела бы к проникновению японских капиталов в Северную Маньчжурию. Сунгари могла превратиться в транспортную артерию для японских грузов, Владивосток потеряет свое значение, уступив место Дайрену, а Уссурийская железная дорога перестанет быть важной транспортной магистралью. Не менее значительной представляется и политическая подописка подобных условий: принятие Россией требований Токио означало дальнейшее отступление России на Дальнем Востоке под нажимом Японии.

Все это прекрасно понимали и в царском МИДе. Санкт-Петербург счел нецелесообразным требовать от Токио установления таможенных режимов, что должно было оградить русские дальневосточные владения от японской конкуренции и отмену практики пересылки японских товаров под видом почтовых посылок: «...настаивать на этих пунктах при нынешнем политическом положении едва ли возможно»³⁶. Посчитав, что цена, которую России придется заплатить за общеполитическое соглашение с Японией, окажется слишком высокой, российское правительство решило отказать Токио в заключении сделки с КВЖД.

После отказа от уступки Японии южной ветки КВЖД токийский кабинет повел себя на переговорах более сдержанно. Японская сторона попыталась добиться отмены пошлины на ввозившиеся во Владивосток японские товары, однако, получив отказ, согласилась на установление льготного тарифа для некоторых японских товаров, следовавших транзитом в Европу по русским железным дорогам.

3 июля 1916 г. в российской столице Япония и Россия подписали соглашение, имевшее характер союзного договора, состоявшего из двух частей — основной и секретной. В основной части обеими сторонами провозглашалось обязательство не участвовать в какой-либо политической комбинации, направленной против одной из сторон, а в случае угрозы их территориальным правам или особым интересам на Дальнем Востоке договориться об общих мерах защиты.

Секретная часть, подписанная сроком на пять лет, подтверждала прежние японо-российские соглашения, а также предусматривала меры, которые будет необходимо принять, чтобы не допустить установления в Китае политического господства какой-либо третьей державы, враждебной России или Японии. (Если одна из сторон оказалась вовлеченной в войну с третьей державой, другая сторона обязана по первому требованию союзницы прийти ей на помощь и не заключать мира с этой третьей державой без взаимного согласия). Секретная часть договора предусматривала подписание военной конвенции между Японией и Россией, где оговаривалось, что ни одна из сторон не обязана оказывать вооруженную помощь, не обеспечив себе содействия, соответствующего серьезности конфликта, со стороны своих союзников³⁷.

В отличие от проекта договора, предложенного японским правительством в августе 1914 г., в договоре 1916 г. ничего не говорилось об обязательствах Японии по отношению к Франции и Великобритании. Оговоренное обязательство обеих стран не допустить установления в Китае господства третьей державы было направлено против Соединенных Штатов.

Японо-российское соглашение получило благожелательные отзывы в российской прессе. Например, журнал «Asiatic Annual For 1916» заявил, что русско-японское сближение, несомненно, самое знаменательное явление политической жизни новейшего времени. «Переживаемая ныне нами всемирная война не только сделала это сближение еще более тесным, но и фактически претворила дружественные отношения обеих стран в союзные»³⁸.

Газета «Приамурские ведомости» выразила уверенность, что японо-русское соглашение встретит в России полное понимание как документальное закрепление реального соотношения интересов обеих держав со времени заключения предыдущих политических конвенций³⁹.

Однако в российских политических кругах договор 1916 г. оценивался более сдержанно. Основная точка зрения сводилась к тому, что, несмотря на подписание общеполитического соглашения с Японией, российская политика с этой страной должна оставаться осторожной и сдержанной: «Мы не должны утешать себя мыслью, что не сможем столкнуться с японцами с оружием в руках»⁴⁰.

В целом отрицательно к заключению японо-русского союзного договора отнеслись Соединенные Штаты, полагавшие, что Токио таким образом стремится заручиться поддержкой России в деле ослабления позиций Америки в Китае⁴¹. Этому в какой-то мере способствовала оценка нового русско-японского договора С.Д. Сазоновым, который заявил, что оно несет вред интересам Соединенных Штатов не больше, чем русско-японские конвенции 1907 и 1910 гг.⁴² При этом глава российского МИДа не упомянул, что конвенции, подписанные в Санкт-Петербурге и Токио за послепортсмутское десятилетие, *de facto* были направлены против присутствия третьих стран (в первую очередь — США) в Китае.

Отрицательное отношение к договору 1916 г. сложилось и в английских правительственных кругах, поскольку теперь Япония могла использовать союз с Россией для своего укрепления в Восточной Азии в ущерб интересам Великобритании. Однако, подобно Соединенным Штатам Америки, Лондон не стал выступать с критикой японо-русского соглашения, а, наоборот, назвал его связующим звеном между англо-японским и англо-французским союзами.

Высокую оценку новому русско-японскому договору дал японский посол в Санкт-Петербурге Мотоно Итиро, который вскоре после его подписания был назначен министром иностранных дел Японии. На прощальном обеде по случаю отъезда на родину виконт Мотоно высказал свое мнение о состоянии русско-японских отношений: «Россия выиграла от соглашения с Японией, так как у нее освободился миллион солдат. Россия получила возможность приобрести у Японии горные и полевые орудия, 800 тыс. винтовок и порох... Япония (также. — Ю.П.) выиграла от этого соглашения, так как (до этого. — Ю.П.) она имела у себя бод боком русскую угрозу»⁴³. Остается неясным, какой именно «миллион солдат» и какую «русскую угрозу под боком у Японии» имел в виду виконт Мотоно, поскольку в начале европейской войны с Дальнего Востока на запад был переброшен пятисоттысячный военный контингент, а оставшихся войск было недостаточно даже для обороны от нападений хунхузов, не говоря уже о войне с Японией⁴⁴. Заявление японского посла о «русской угрозе» не выдерживает никакой критики, поскольку для охраны дальневосточных рубежей местной администрации пришлось мобилизовать даже корейцев, принявших русское подданство. Последнее объяснялось тем, что немало русских после объявления мобилизации на Дальнем Востоке предпочло перебраться в Японию, чтобы спокойно переждать там войну⁴⁵.

В самой Японии заключение русско-японского соглашения было встречено как очередное большое достижение японской дипломатии, а 20 июля в токийском парке Уэно под патронажем Тэраути Масатакэ организовано празднование в честь нового союзного договора; во многих городах Японии прошли торжественные манифестации⁴⁶. В Токио несколько тысяч манифестантов собрались перед императорским дворцом и министерством иностранных дел, которые также тепло приветствовали российского посла Н.А. Малевского-Малевича⁴⁷. Высокую оценку русско-японскому договору дал премьер-министр Японии Окума Сигэнобу, отметив, что соглашение 1916 г. явилось результатом усилий

Японии поднять свой мировой престиж и занять исключительное положение на Дальнем Востоке⁴⁸.

Несомненным достижением царской дипломатии стало подписание союзного договора 1916 г. без предоставления Японии каких-либо существенных компенсаций со стороны России. Заключение русско-японского союзного договора явилось важным звеном в консолидации отношений между двумя странами и стало закономерным продолжением политики сближения, проводившейся Токио и Санкт-Петербургом. Подписание договора отразилось на увеличении объемов военной помощи Японии России, а также явилось гарантом относительного спокойствия царского правительства за обстановку на Дальнем Востоке. Япония, подписав договор с Россией, получила возможность опираться на союз с Российской империей для противодействия США и Великобритания на Дальнем Востоке, тем самым заметно усилив свои позиции на Азиатском континенте. Россия и Япония начали партнерство, которое могло повлиять на развитие международных отношений в Восточной Азии, однако происшедшие в России в 1917 г. перемены решительно изменили ситуацию⁴⁹.

Известие о Февральской революции в России достигло Японии с опозданием на несколько дней, а 15 марта 1917 г. Япония официально признала новое русское правительство. Вскоре на события в России откликнулась японская газета «Осака Асахи Симбун», поместив в выпуске за 17 марта две небольшие заметки, где кратко освещалось, что произошло в конце февраля — начале марта в Петрограде и Москве. Газета констатировала, что революция в России ставила своей целью ликвидацию прогерманской клики в правительстве, сообщала о помещении под арест и последующем освобождении Б.В. Штюрмера и А.Д. Протопопова, а также о беспорядках, охвативших Петроград и Москву⁵⁰.

Накануне выхода публикации о русской революции корреспонденты японской газеты «Хоти Симбун» посетили российское посольство в Токио, чтобы выяснить детали происходивших в Петрограде событий. Однако, как оказалось, дипломатические чиновники сами имели довольно смутное представление о ситуации в своей стране. Беседовавшие с японскими корреспондентами сотрудники посольства Щекин и Абрикосов заявили, что из России не приходит никаких телеграмм, хотя о начавшихся в конце февраля волнениях в российской столице им, безусловно, известно. Советник посольства Щекин высказал свои предположения относительно последствий смены правительства: «Все будет в порядке. Поверьте мне. Последние события в российской столице не перерастут в крупные беспорядки». Из последующей беседы с представителями посольства японские корреспонденты вынесли уверенность, что Февральская революция не окажет серьезного влияния на обстановку на фронте⁵¹.

Судя по публикациям в японской прессе, после Февральской революции в Петрограде японцев больше всего интересовали политические деятели России, пришедшие к власти. Например, газета «Токё Нити Нити Симбун» в одном из мартовских выпусков поместила статью, посвященную М.В. Родзянко, который был назван человеком, обладающим реальной политической силой. Автор акцентировал особое внимание на том, что «лучший друг рабочих» по духу близок к простому народу: «...имеет склонность к выпивке, курит, а также никогда не посещает дорогих столичных ресторанов»⁵². Японская газета «Хоти Симбун» прокомментировала личность другого российского политика — А.Ф. Керенского, возглавившего вслед за А.И. Гучковым военное министерство, а затем ставшего премьер-министром. Личность А.Ф. Керенского вызвала скептическое отношение в связи с тем, что он, не имея никакого отношения к армии, возглавил военное ведомство. Не лишено интереса описание внешности нового российского премьер-министра, который «не следит за собой... и внешне напоминает куклу, одетую в военную униформу». Никому ранее неизвестный

А.Ф. Керенский еще слишком молод и не имеет достаточного опыта, поэтому ему не удастся предотвратить политических осложнений в стране⁵³, заявляет автор статьи.

Российский посол в Токио В.Н. Крупенский внимательно отслеживал освещение Февральской революции в России японской прессой. В одном из мартовских донесений в русскую столицу представитель России сообщал, что, как только прошло первое изумление, вызванное событиями в Петрограде, японская пресса со свойственной ей последовательностью и практичностью постаралась подметить в новом русском режиме выгоды, которые он обещал стране: исправление ошибок, допущенных бюрократическим управлением, окончательное устраниение германфильских влияний, всеобщий подъем в стране⁵⁴.

По словам В.Н. Крупенского, японцы склонны видеть в русской революции прежде всего достигнутое, наконец, объединение правительства с народом, что должно спасти государство от грядущей внешней опасности. В.Н. Крупенский подметил одну из особенностей высказываний японских газет относительно недавних событий в России — связанное с синтоизмом и национальным культом поклонение японцев монархической идее. Например, в газетных публикациях не только не промелькнуло ни одного неуместного высказывания в адрес Николая II, напротив, японцы постарались объяснить решение последнего российского императора отречься от престола патриотическими мотивами — нежеланием русского царя подвергать в столь трудную минуту страну ужасам гражданской войны⁵⁵.

В данном контексте следует, по-видимому, отметить, что с начала XX в. это был уже второй после Китая случай падения монархии, поэтому японская аристократия после Февральской революции оказалась в некоторой растерянности, полагая, что случившееся в Китае и России, возможно, лишь первый шаг к падению монархии в самой Японии. Генерал Тэраути Масатакэ прокомментировал события в России следующим образом: «Никто не мог даже предположить, что российскую императорскую фамилию, имевшую огромную армию и международную известность, ожидает такая судьба»⁵⁶. В Токио отмечали, что во многом именно мировая война и идеи социализма способствовали падению монархии в России. Так же в июне 1917 г. высказался и маршал Ямагата Аритомо, заявив, что идеи социализма, нашедшие уже и в Японии сторонников среди невежественных слоев общества, в итоге ведут к разрушению государства⁵⁷.

Хотя японские газеты в целом положительно и даже сочувственно отнеслись к смене политического строя в России, официальный Токио смотрел без особого оптимизма на отношения с российской стороной. По словам японского историка Хирама Ёити, «...рухнули надежды на японо-российский союз, а также возникло опасение, что предоставленные России... займы на сумму в 300 млн. иен останутся непогашенными»⁵⁸.

В финансовых и промышленных кругах Японии, завязавших за годы мировой войны крупные деловые отношения с Россией, стала намечаться тревога за будущее японо-российских отношений. Последнее обстоятельство сказалось на решении синдиката ряда японских банков временно прекратить переговоры о новых российских займах. По сообщениям российского посольства из Токио, новому правительству не приходилось надеяться на успешный выпуск займа, так как многие японские финансисты не желали на него подписываться, не будучи уверенными, что «в России будут сохранены порядок и спокойствие»⁵⁹.

С апреля 1917 г. несколько изменился тон японских газет, освещавших развитие ситуации в России. Например, в «Токё Нити Нити Симбун» сообщалось о возникновении в российском обществе двух мнений относительно перспективы продолжения войны с Германией и ее союзниками — вести войну до победного конца или закончить ее без «аннексий территорий». Статью завершала

фотография В.И. Ленина, вышедшего из вагона поезда, с пояснением: «Ленин, долгое время находившийся в политической эмиграции в Швейцарии, прибыл в Петроград»⁶⁰. Впоследствии японская пресса почти не поднимала вопроса, будет ли Россия продолжать выполнять свои союзнические обязательства, и ограничивалась освещением охватившего страну политического кризиса⁶¹.

Позицию, занятую японской прессой, можно объяснить тем, что дальнейшее участие или неучастие России в войне теперь уже мало заботили Токио. Скорее, наоборот, отказ нового российского правительства от выполнения союзнических обязательств был явно на руку японской стороне. В апреле 1917 г. в российскую прессу просочились сведения, что, если Россия прекратит войну, заключив сепаратный мир с Германией, Япония оставит за собой свободу действий на Дальнем Востоке.

Американский посол в Санкт-Петербурге Дэвид Фрэнсис направил в американский госдепартамент телеграмму, в которой сообщал, что в ближайшее время постарается выяснить планы России относительно возможности заключения мира с Германией⁶². В мае 1917 г. Рим заявил Временному правительству, что Японии будет предоставлена свобода действий в Сибири и на Дальнем Востоке, если российская сторона пойдет на прекращение войны⁶³. Со своей стороны Временное правительство заверило Токио, что будет продолжать выполнение своих союзнических обязательств.

Таким образом, Временное правительство не отказывалось от участия в войне, и отношения между Японией и Россией продолжали оставаться союзническими. Тем не менее кабинет Тэраути Масатакэ постарался максимально использовать в своих интересах вакуум власти, образовавшийся в России после Февральской революции. Например, в апреле 1917 г. после нескольких стычек местного населения с японцами на Камчатке, которые чувствовали себя уже полноправными хозяевами, японское генеральное консульство во Владивостоке потребовало от дальневосточных властей принять необходимые меры. Приамурское генерал-губернаторство направило местной администрации инструкции навести на Камчатке порядок, чтобы избежать «нежелательных последствий в дружеских отношениях Японии и России»⁶⁴.

Следует подчеркнуть, что японо-российские переговоры по военным поставкам русской армии продолжались и после Февральской революции. Однако на переговорах японская сторона выдвинула новые условия: разоружение фортов Владивостокской крепости и ликвидацию военно-морской базы во Владивостоке⁶⁵. В апреле 1917 г. токийский кабинет вновь поднял вопрос о передаче Японии железнодорожной ветки Куанченцзы — Лаошагоу и предоставлении японским судам права плавания по р. Сунгари. Чтобы не накалять обстановку на Дальнем Востоке, Временное правительство стало склоняться к тому, чтобы продать Японии всю южную ветку КВЖД от Харбина до ст. Куанченцзы, однако очередные японо-российские переговоры на этот счет оказались затянутыми, а приход к власти большевиков помешал осуществлению сделки с Токио⁶⁶.

Имелись сведения, что правительство А.Ф. Керенского было готово продать не только указанную железнодорожную ветку, но и Камчатку. Поэтому осенью 1917 г. Вашингтон вел переговоры с Санкт-Петербургом о продаже Соединенным Штатам Камчатки за 20 млрд. р.⁶⁷

Не менее неблагоприятными для России были и готовившиеся политические мероприятия Японии на севере Китая, получившие ход после Февральской революции. В.Н. Крупенский с тревогой писал, что по имеющимся у него сведениям, в Токио разрабатывается план создания во Внутренней Монголии государства под японским протекторатом. Для осуществления своих замыслов японское правительство намеревалось использовать движение за восстановление монархии в Китае, организованное неким князем Су. По мнению россий-

ского посла, японское правительство держит указанный план про запас, дожидаясь благоприятной обстановки на севере Китая для его осуществления⁶⁸.

Русская разведка в Китае доносила, что с весны 1917 г. японская армия стала постепенно переводиться в состояние повышенной боевой готовности для переброски в Китай. 28 мая 1917 г. под предлогом замены расквартированных в Маньчжурии войск из Иокогамы и Осака в Дайрен был направлен японский шеститысячный военный контингент. Однако, как удалось выяснить русской разведке, плановая замена японских войск в Маньчжурии была проведена ранее, поэтому их переброска, очевидно, преследовала цель постепенного наращивания японского военного присутствия в Южной Маньчжурии⁶⁹.

Одновременно седьмая дивизия, направленная на замену японских войск в Южной Маньчжурии, была усилена двумя ротами, ранее находившимися на Сахалине⁷⁰. Японии не составило никакого труда ввести свои войска и в Северную Маньчжурию, принимая во внимание практически полное отсутствие там русских войск. В случае ввода японских войск в полосу отчуждения КВЖД японская армия получила бы возможность захватить станцию Чанчунь, используя части своей железнодорожной охраны, и тотчас же начать подвозить подкрепления из состава расквартированной в Южной Маньчжурии седьмой дивизии.

Ближайшим резервом для дальнейших действий являлись военные соединения, находившиеся на Корейском полуострове. За это время из Японии на материк могли быть переброшены основные войска. В российской столице допускали вероятность развития событий по такому сценарию, однако никто не спешил делать скоропалительных выводов из перемещений японских войск в Маньчжурии. Более того, вся подобная информация держалась правительственными чиновниками в секрете.

Скупая информация о проводимых Японией в Маньчжурии военных мероприятиях, которая попала в российские газеты, обросла массой слухов, к лету 1917 г. на русском Дальнем Востоке стала нагнетаться атмосфера японской опасности. Публикации в российской прессе со ссылкой на японские газеты, выходившие в Маньчжурии и Корее, сообщали о росте антияпонских настроений в России. Газета «Приамурская жизнь» утверждала, что по сведениям «некоторых органов японской печати» русскими во Владивостоке был убит японский консул⁷¹. На Дальнем Востоке России, где опасность военного столкновения с Японией витала в воздухе во время первой мировой войны⁷², слухи подобного рода находили особенно благоприятную почву среди местного населения. Корреспондент «Осака Майнити Симбун» Нобуо Комата в интервью читинской газете «Забайкальская новь» постарался опровергнуть все домыслы относительно японской опасности, заявив, что антияпонские настроения инспирируются главным образом русской прессой, так как ничего подобного в японских газетах ему встречать не доводилось⁷³.

Военные приготовления Японии в Южной Маньчжурии, а также антияпонская шумиха, поднятая прессой, в немалой степени способствовали росту негативных настроений по отношению к Японии и в российских эшелонах власти, о чем свидетельствует внутриведомственная переписка весной — летом 1917 г., где содержится немало критики в адрес Токио. Например, в одном из таких документов говорится, что японское правительство за годы европейской войны создало стереотип, будто бы Япония является благодетелем России, поставляя ей вооружение. Неизвестный автор утверждал, что токийский кабинет в годы войны использовал сложную военную обстановку для оказания на российскую сторону политического давления по целому ряду вопросов, в итоге чего России пришлось самой «оказаться поневоле благодетельницей Японии». И если в 1914 г. выступление Токио на стороне антигерманского блока в Санкт-Петербурге расценивалось как стремление японского правительства покончить

с влиянием Германии на Дальнем Востоке, то теперь акценты полностью сменились: «...почему Япония приняла сторону держав, воюющих против Германии, — вопрос только Японии, и мы смело можем считать, что не потому, чтобы выиграть дружбу с Россией»⁷⁴.

Таким образом, Февральская революция в России явилась «началом конца» эпохи японо-российских отношений в послепортсмутские годы. Судя по тому, как развивались события в 1917 г., обеим странам так и не удалось до конца расстаться с негативным восприятием друг друга и развить положительные моменты в двусторонних отношениях. С марта 1917 г. со стороны Японии и России стало раздаваться все больше критики в адрес друг друга, в российской прессе развернулась откровенная антияпонская кампания, а Токио постепенно наращивал военное присутствие у российских границ. Политический хаос, охвативший российскую государственную систему в 1917 г., неспособность Временного правительства в условиях мировой войны осуществлять контроль своих дальневосточных владений, решение правительства Ленина о выходе из войны — все это было на руку политическим силам Японии, заинтересованным в дальнейшем ослаблении своего недавнего союзника.

Русско-японская Антанта просуществовала недолго, следует, однако, признать, что история российско-японских отношений начала XX в. убедительно свидетельствует о том, что многие проблемы можно решать за столом переговоров и без применения военной силы. Сотрудничество между Японией и Россией в первые послевоенные годы было выгодно обеим странам, которые смогли не только договориться о проведении совместной политики в Китае, но и оградить сферы своего влияния от посягательств Лондона и Вашингтона. По большому счету, именно нормализация отношений с Японской империей предопределила готовность правительства Николая II присоединиться к странам антигерманской коалиции в первой мировой войне.

Хотя обеим странам не удалось реализовать условия подписанного в 1916 г. союзного договора, уже сам факт заключения военно-политического союза между Японией и Россией всего через 10 лет после завершения русско-японской войны указывал на обоюдное стремление Санкт-Петербурга и Токио наладить двусторонние отношения в мирное русло.

Положительный опыт российско-японской дипломатии может пригодиться обеим странам сегодня, когда дружественные отношения Москвы и Токио отвечают стратегическим интересам обеих стран, укрепляют позиции России и Японии в мировой политике. В последнее десятилетие состояние и перспективы японо-российских отношений являются объектом внимания российской и японской общественности и правительств, о чем свидетельствуют расширяющиеся контакты на высшем уровне, оживление культурных связей, проведение совместных научных конференций и форумов.

Премьер-министр Японии Коидзуми Дзюньитиро, посетивший в январе 2003 г. Москву и Хабаровск, заявил: «...несмотря на наличие территориальной проблемы в российско-японских отношениях, наши страны имеют много сфер и возможностей для сотрудничества»⁷⁵. Их осуществление в немалой степени будет зависеть от того, насколько Япония и Россия смогут использовать позитивные традиции двусторонних отношений.

¹ См.: Молодяков В.Э. Россия и Япония: поверх барьеров: Неизвестные и забытые страницы российско-японских отношений (1899—1929). М., 2005. С. 121.

² Хирама Ёити. Дайитидзи сэкай тайсэн то нихон кайгун. Гайко то гундзи рэнсэцу (Первая мировая война и военно-морской флот Японии: Дипломатия и дела военные). Токио, 1998.

³ Кова дзёяку (Мирный договор)// Нитирокан дзёяку кётэйсю (Сборник японо-российских договоров). Токио, 1923. С. 9—15.

- ⁴ Записки члена Государственного Совета, бывшего посла в Америке и посланника в Японии, барона Розена.
- ⁵ Витте С.Ю. Воспоминания. Таллинн; Москва, 1994. Т. 3. С. 497.
- ⁶ Савельев И.Р. Японцы за океаном: История японской эмиграции в Северную и Южную Америку. СПб., 1997. С. 111—118.
- ⁷ Гримм Э.Д. Сборник договоров и других документов по истории международных отношений на Дальнем Востоке (1842—1925). М., 1927. С. 173.
- ⁸ Griswold A.W. The Far Eastern Policy of the United States. New York, 1938. P. 175.
- ⁹ Камимура Синъити. Гайко годзюнэн (Пятьдесят лет дипломатической работы). Токио, 1960. С. 38.
- ¹⁰ Гэнро 「元老」 (досл.: «старейшина») — название внеконституционного органа в Японии, просуществовавшего с конца XIX в. по 1940 г.; состоял из ближайших советников императора.
- ¹¹ Dickinson F. War and National Reinvention. Japan in the Great War, 1914—1919. Cambridge (Massachusetts) and London, 1999. P. 142.
- ¹² См.: Бурлингас И.Я. Международные отношения на Дальнем Востоке. М., 1973. С. 261.
- ¹³ Mo Shen. Japan in Manchuria. An Analytical Study of Treaties and Documents. Manila, 1960. P. 35.
- ¹⁴ См.: Гримм Э.Д. Сборник договоров... С. 180.
- ¹⁵ Таймусё но хякунэн (Сто лет работы министерства иностранных дел Японии). Токио, 1979. С. 586.
- ¹⁶ РГВИА. Ф. 2000, оп. 1, д. № 7843, л. 104.
- ¹⁷ Там же. Л. 117.
- ¹⁸ Н.А. Малевский-Малевич — С.Д. Сазонову. 7 мая 1914 г. // Международные отношения в эпоху империализма: Документы из архива царского и Временного правительства. М.; Л., 1933. Сер. 3. Т. 2. С. 495.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ From Embassy-St. Petersburg. The Honorable Secretary of State, Washington. January 25. 1915 // Russia: from Czar to Commissars (1914—1918). A microfilm project of University Publications of America, 1982. Reel 2, № 0973.
- ²¹ Н.А. Малевский-Малевич — С.Д. Сазонову. 5 августа 1914 г. // Международные отношения в эпоху империализма. Т. 6. Ч. 1. С. 11—12.
- ²² Н.А. Малевский-Малевич — С.Д. Сазонову. 22 января 1915 г. // Международные отношения в эпоху империализма. 1935. Т. 7. Ч. 1. С. 88.
- ²³ Японское консульство в Харбине — Министру иностранных дел Японии Като Такааки. 8 августа 1914 г. Архив внешней политики Японии (Токио). Ф. 1.1.4. 1—2. (Тэйкоку сёгайкоку гайко канкэй дзассан. Нитиро канкэй) (Материалы о дипломатических отношениях Японской империи с другими государствами. Российско-японские отношения).
- ²⁴ В.А. Арцимович — Н.А. Малевскому-Малевичу. 14 июля 1914 г. // Международные отношения в эпоху империализма. 1931. Т. 4. С. 254—255.
- ²⁵ Н.А. Малевский-Малевич — С.Д. Сазонову. 21 июля 1914 г. // Международные отношения в эпоху империализма. С. 371.
- ²⁶ КАСУМИГАСЭКИ 「霞ヶ関」 — министерство иностранных дел Японии (по названию квартала в центре Токио, где оно расположено).
- ²⁷ Като Такааки — Н.А. Малевскому-Малевичу. 27 июля 1914 г. // Архив внешней политики Японии (Токио). Ф. 1.1.4, л. 1—2.
- ²⁸ Н.А. Малевский-Малевич — С.Д. Сазонову. 2 июля 1915 г. // Международные отношения в эпоху империализма. Т. 8. Ч. 1. С. 277.
- ²⁹ Нитиро косёси (История японо-русских переговоров). Токио, 1979. С. 317.
- ³⁰ Ротайко но хонити мокутэки (Цель посещения Японии Великим русским князем) // Осака Асахи Симбун. 1916. 31 янв.
- ³¹ Документ без даты № 152 (по-видимому, донесение на имя С.Д. Сазонова. Июль 1916 г.) // АВПРИ (Архив внешней политики Российской империи). Ф. «Китайский стол», оп. 491, д. 3445, л. 13.
- ³² Российская миссия в Пекине — Российскому генеральному консулу в Харбине Траутшольду. 10 июля 1916 г. // Архив внешней политики Японии (Токио). Ф. 3. 1. 6. 4.
- ³³ Министерство финансов — С.Д. Сазонову. 23 июня 1916 г. // АВПРИ. Ф. «Китайский стол», оп. 491, д. 3445, л. 2.
- ³⁴ АВПРИ. Ф. «Китайский стол», оп. 491, д. 3445, л. 13—14. 21.
- ³⁵ Кутаков Л.Н. Россия и Япония.
- ³⁶ АВПРИ. Ф. «Китайский стол», оп. 491, д. 3445, л. 13—14.
- ³⁷ Полный текст договора см.: Кадзима Мориносукэ. Нихон гайко сэйсаку но ситэки косацу (Исторические размышления о дипломатической политике Японии). Токио, 1958. С. 322—323.
- ³⁸ Japan Section. Asiatic Annual For 1916. Japan; РГА ВМФ (Российский государственный архив военно-морского флота). Ф. 418, оп. 2, л. 1.
- ³⁹ Приамур. ведомости. Хабаровск, 1916. 2 июля.

- ⁴⁰ РГВИА. Ф. 2000, оп. 1, д. 4167, л. 17—18.
- ⁴¹ На полученный запрос японский МИД ответил заученной фразой, что «Императорское правительство не намерено... отказываться от политики поддержания независимости и территориальной целостности Китая, равно как и от принципа равных возможностей». См.: Mo Shen. Op. cit. P. 36—37.
- ⁴² Despatch. American Ambassador. Petrograd. August 22. 1916 // Russia: from Czar to Commissars (1914—1918). № 0399. Reel 3.
- ⁴³ РГВИА. Ф. 80, оп. 1, д. 1, л. 141. (В цитируемом документе возможны незначительные расхождения с оригиналом, что объясняется малоразборчивым почерком М.К. Марченко и плохим состоянием самого дневника. — Ю. Пестушко).
- ⁴⁴ ГАХК. Ф. И-16, оп. 6, д. 1 (а), л. 535.
- ⁴⁵ РГВИА. Ф. 2000, оп. 1, д. 4164 (2), л. 332.
- ⁴⁶ Харбинский вестник. 1916. 3 июля.
- ⁴⁷ Приамур. ведомости. Хабаровск, 1916. 2 июля.
- ⁴⁸ Вестн. Азии. 1916. Кн. 2—3.
- ⁴⁹ Молодяков В.Э. Россия и Япония... С. 154.
- ⁵⁰ Осака Асахи Симбун. 1917. 17 марта.
- ⁵¹ Хотэ Симбун. 1917. 17 марта.
- ⁵² Токё Нити Нити Симбун. 1917. 17 марта.
- ⁵³ Хотэ Симбун. 1917. 24 июля.
- ⁵⁴ В.Н. Крупенский — П.Н. Милюкову. 11 марта 1917 г. // АВПРИ. Ф. «Японский стол», оп. 493, д. 925, л. 70.
- ⁵⁵ Там же. Л. 71.
- ⁵⁶ Dickinson F.R. Op. cit. P. 179.
- ⁵⁷ Ibid. P. 180.
- ⁵⁸ Хирама Ёити. Указ. соч. С. 12.
- ⁵⁹ В.Н. Крупенский — П.Н. Милюкову. 11 марта 1917 г. АВПРИ, Ф. «Японский стол», оп. 493, д. 925, л. 71.
- ⁶⁰ Токё Нити Нити Симбун. 1917. 16 апр.
- ⁶¹ См.: Осака Асахи Симбун. 1917. 23 июля.
- ⁶² Telegram: Ambassador Francis to State Dept. April 11. 1917 // Confidential U.S. Diplomatic Post Records. Part I: Russia: From Czar to Commissars (1914—1918). Edited by Paul Kesaris. Guide Compiled by Dale Reynolds. A microfilm Project of University Publications of America, INC. 1982. Reel 4. № 0521.
- ⁶³ Кутаков Л.Н. Россия и Япония...
- ⁶⁴ Комиссар Русанов — Петроград. 26 апреля 1917 г.; РГИА ДВ. Ф. 702, оп. 6, д. 193, л. 211.
- ⁶⁵ Григорьевич С.С. Дальневосточная политика империалистических держав в 1906—1917 гг. Томск, 1965. С. 529.
- ⁶⁶ Dickinson F. Op. cit. P. 182; Embassy-London to Petrograd. November 2. 1917 // Russia: from Czar to Commissars (1914—1918). Reel 4, № 0421. Ambassador Francis to State Dept. October 24. 1917 // Russia: from Czar to Commissars (1914—1918). Reel 4, № 0422. Report: «Cession of Kamchatka». From Consul General. October 15. 1917 // Russia: from Czar to Commissars (1914—1918). Reel 4, № 0423.
- ⁶⁷ Представитель военного министерства в Японии полковник Чубаков — Военному министерству. 8 августа 1917 г. // Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции. М.; Л., 1957. Ч. 2. С. 470.
- ⁶⁸ В.Н. Крупенский — П.Н. Милюкову. 10 апреля 1917 г. // АВПРИ. Ф. «Японский стол», оп. 493, д. 925, л. 89—90.
- ⁶⁹ Донесение военного агента в Японии Яхонтова. 29 мая 1917 г. РГВИА. Ф. 2000, оп. 1, д. 4157, л. 45.
- ⁷⁰ Военный агент в Японии — в Отдел генерал-квартирмейстера генерального штаба. 20 мая 1913 г. // РГВИА. Ф. 2000, оп. 1, д. 4160, л. 24.
- ⁷¹ Приамур. жизнь. Хабаровск, 1917. 1 июля.
- ⁷² Igor R. Saveliiev, Yuri S. Pestushko. Dangerous Rapprochement. Russia and Japan in the First World War, 1914—1916 // Acta Slavica Iaponica. Tomus XVIII, 2001. Sapporo, Japan. P. 19.
- ⁷³ Приамур. жизнь. Хабаровск, 1917. 1 июля.
- ⁷⁴ Главное управление генштаба — в министерство иностранных дел. 10 марта 1917 г. // АВПРИ. Ф. «Японский стол», оп. 493, д. 1344, л. 7.
- ⁷⁵ Коммерсантъ. 2002. 26 дек.

SUMMARY: The history of international relations is the subject of the article by Yu. Pestushko “A Brief Alliance: the Russian–Japanese Alliance Treaty of 1916”. The decade (1906—1917) is of special importance in the history of the Russo–Japanese relations when both countries managed to go the way from “poor peace” to conclusion of alliance treaty, to meet half–way in decision of many problems.